

Научная статья

УДК 811.161.1'06, 81'373.45

DOI 10.17223/18137083/91/12

Семантическая адаптация заимствований на примере испанизмов в русском языке

Мария Владимировна Бакурова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

bakurova.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-3118>

Аннотация

Предметом исследования является процесс семантической адаптации испанизмов в современном русском языке, этим обусловлена новизна работы (ранее этот вопрос подробно не изучался). Автором проводится сопоставление семантических систем языка-источника и языка-реципиента, описываются случаи изменения семантики испанизмов. В процессе работы были использованы академические словари, толковые словари, словари иностранных слов и материалы Национального корпуса русского языка. В результате работы автор выделяет три тенденции в семантическом освоении испанизмов в процессе их функционирования в современном русском языке: 1) слова сохраняют статус экзотизмов, не происходит лексической адаптации и расширения семантики; 2) у слов развиваются метафорические значения; 3) значение слов становится шире, чем в языке-источнике.

Ключевые слова

заимствования, экзотизмы, испанизмы, семантическая адаптация, русский язык, испанский язык, метафорический перенос, метонимический перенос, расширение значения, язык-источник, язык-реципиент

Для цитирования

Бакурова М. В. Семантическая адаптация заимствований на примере испанизмов в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 145–157. DOI 10.17223/18137083/91/12

Semantic adaptation of borrowings: a case study of Spanish loanwords in the Russian language

Maria V. Bakurova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

bakurova.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-3118>

Abstract

The article examines the semantic adaptation of Spanish loanwords in modern Russian. The present subject exhibits unique scholarly merit owing to the previous lack of comprehensive

© Бакурова М. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 145–157
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 145–157

study. A comparative analysis of the semantic systems of the source and recipient languages is undertaken, with a focus on semantic shifts in Spanish borrowings, their causative factors, recurring patterns, as well as the integration into the lexicon of the recipient language. In the course of the research, a comprehensive array of lexicographical resources was utilized, encompassing academic dictionaries of the Russian language, explanatory dictionaries, and a substantial collection of dictionaries of foreign words from various publication years. Additionally, materials from the National Corpus of the Russian Language were employed. The complex dataset allowed the author to illustrate the presence and diachronic semantic assimilation of Spanish loanwords, influenced by multiple factors. The present study draws upon the methodologies of component and contextual analysis. Consequently, the author identifies three tendencies in the semantic development of Spanish borrowings in the process of their functioning in modern Russian. Firstly, words maintain their status of exoticisms, exhibiting no lexical adaptation or expansion of semantics. Secondly, words evolve metaphorical meanings, as evidenced by the lexeme “hurricane” being used to describe a person of explosive character. Thirdly, the meaning broadens beyond its original scope in the source language. For instance, the Spanish term “armada” in modern Russian can denote not only a set of ships but also airplanes, tanks, and even a group of people.

Keywords

borrowings, exoticisms, Spanish borrowings, semantic adaptation, Russian, Spanish, metaphorical transfer, metonymic transfer, extension of meaning, source language, recipient language

For citation

Bakurova M. V. Semantic adaptation of borrowings: a case study of Spanish loanwords in the Russian language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 145–157. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/12

Язык – сложная динамическая система, которая постоянно развивается, а лексика – наиболее подвижный его уровень, который отражает воздействие экстралингвистических факторов. Языковые контакты – один из важных стимулов развития языка, одни лексические единицы сохраняют статус экзотизма долгие годы, а другие постепенно уходят из активного употребления. Иноязычная лексика всегда проникала в русский язык, и вопрос вхождения новых элементов в язык-реципиент имеет долгую историю изучения отечественными и зарубежными лингвистами [Аристова, 1978; Ахманова, 2004; Крысин, 2008; Маринова, 2003; 2012; Хауген, 1972]. Актуальными вопросами на сегодняшний день являются: семантическая адаптация заимствований; перспектива их закрепления в принимающем языке; их дальнейшая судьба, особенности функционирования.

Целью данной статьи является описание семантической адаптации заимствований на примере испанизмов в современном русском языке, выявление основных тенденций семантических изменений в процессе заимствования. Семантическое освоение заимствований можно рассматривать в двух направлениях: 1) сопоставить две семантические системы и проанализировать, какие именно значения востребованы языком-реципиентом; 2) исследовать отдельные испанизмы и отследить, как слово адаптируется, встраивается в лексическую систему языка-реципиента, появляются ли у него новые значения, как оно развивает свою семантическую структуру.

В данной работе мы будем учитывать оба названных направления. Материалом нашего исследования являются испанизмы – заимствования из испанского языка, выбранные из академических словарей (Словарь русского языка в четырех томах (МАС, 1981–1988), Словарь современного русского литературного языка (БАС, 1950–1965)); толковых словарей (БТСРЯ, 2000; Ефремова, 2001; Ожегов,

1961; ТСРЯ, 1935–1940) и специализированных словарей русского языка – словарей иностранных слов (Крысин, 1998; СИС, 1933; 1940; 1964; 1988; 1995; 2007; Яновский, 1803). Используя словарные данные и материалы Национального корпуса русского языка¹ (НКРЯ), мы рассматривали процесс семантической адаптации испанизмов. При изучении испанского языкового материала мы опирались на академический Словарь испанского языка Испанской королевской академии² (RAE). Сравнение семантической структуры слова в двух языках проводилось для того, чтобы выяснить, какие лексические значения вошли в язык-реципиент. В работе использовался компонентный анализ и контекстуальный анализ (на материале НКРЯ).

При вхождении в систему языка-реципиента заимствования могут в разной степени изменяться, этот процесс проходит по-разному на каждом уровне языковой системы и часто является сложным и долгим. Изучение семантической адаптации позволяет определить степень освоенности языком-реципиентом новых единиц. Лексические значения чаще всего не остаются статичными, а демонстрируют различные процессы изменения семантики, подчиняясь законам системы принимающего языка. Накопленный опыт изучения заимствований позволяет говорить о существенных изменениях семантики в процессе перехода слова из языка-источника в язык-реципиент [Смирницкий, 1998, с. 236–237]. Традиционно ассимиляция иноязычного слова подразделяется на семантическую и формальную. К семантической ассимиляции относится адаптация значения заимствованного слова в принимающем языке, а формальная ассимиляция – это графическое, фонетическое и грамматическое освоение слова. Е. В. Маринова указывает, что семантическая и формальная адаптация происходят не поочередно, а параллельно. Исследователь подробно описывает процесс и особенности семантической адаптации заимствованного слова, трансформации или преобразования его лексического значения, выделяет такие процессы, как сужение и расширение, изменение типа лексического значения (детерминологизация, дезэкзотизация) и развитие новых специальных или переносных значений [Маринова, 2012, с. 211]. В ходе адаптации семантика заимствования может сужаться и расширяться. По мнению Л. П. Крысина [2008], сужение – очень частое явление, расширение характерно для более длительного процесса адаптации. Изучив большой пласт испанизмов, мы можем говорить о том, что основным направлением процесса семантической адаптации является трансформация семантики, в частности развитие полисемии. В ходе трансформации происходят расширение значения, сужение, а также перенос наименования (метафора и метонимия).

Как правило, новые слова из английского, немецкого и французского языков появляются вместе с новыми предметами, для номинации которых они используются. Многие испанские заимствования приходят в русский язык как экзотизмы, но сами предметы или обычаи при этом не становятся частью российской действительности: *сиеста*, *бандерилья*, *коррида*, *матадор*, *мачете* и др. Анализ адаптационных процессов необходимо начать с экзотизмов, так как они подвержены приспособлению к системе языка в наименьшей степени. Это наименования явлений, которые не свойственны для действительности языка-реципиента. Заимствование слов для обозначения идей, понятий, предметов происходит в результате

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.12.2024).

² Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 20.12.2024).

языковых контактов и обмена информацией. Экзотизмы описывают быт, реалии материальной действительности, явления жизни испанского народа и не имеют аналогов в русском языке (являются когнитивными лакунами). Эти слова воспринимаются носителями как иноязычные, придают особый колорит речи, большую языковую выразительность тексту. Обозначая реалии чужой культуры, такие слова часто отличаются узкой сочетаемостью, низкой семантической активностью. Л. П. Крысин [1991] указывает на то, что далеко не каждое иноязычное слово с течением времени осваивается языком, поэтому в данной работе мы изучаем судьбу экзотизмов, пришедших из испанского языка в русский язык.

В работах лингвистов мы находим широкое и узкое понимание экзотизма. Например, Л. П. Крысин (широкий подход) определяет экзотизмы как «слова, называющие реалии “чужой” жизни, наименования вещей и понятий, свойственных жизни и культуре того или иного народа. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т. п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, т. е. всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории» [Крысин, 2007, с. 125]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой представлено более узкое понимание этого термина, которое сводится к одной функции: «Лексика экзотическая – слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно индоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита» [Ахманова, 2004, с. 214]. Также более узкий подход мы встречаем у А. Е. Супруна, который относит экзотическую лексику к пассивному словарю, учитывая локальность ее употребления и «чуждость» для носителя языка-реципиента [Супрун, 1958]. По его мнению, такие слова относятся к периферии лексической системы языка, понимаются в тексте большинством носителей, но в активной речи не используются.

Среди основных признаков экзотизмов выделяются: непосредственное отношение к определенной национальности, стране, региону, отсутствие синонимов (безэквивалентная лексика) и книжная окраска. Е. В. Маринова выделяет следующие лингвистические особенности экзотической лексики, являющиеся отправной точкой для анализа процесса адаптации этих лексем в системе языка-реципиента и позволяющие делать выводы о намечающихся тенденциях ассимиляции: их узкая сфера употребления, слабая, практически нулевая словообразовательная продуктивность, стабильность и устойчивость семантической структуры [Маринова, 2003, с. 140]. Кроме лингвистических особенностей другие ученые, такие как И. А. Вотякова и С. О. Емельянова, выделяют и культурологический аспект, также являющийся важным при анализе трансформации семантической структуры и функционирования слова в языке-реципиенте: «...слова-экзотизмы способны называть реалии, являющиеся новыми, неизвестными носителям заимствующего языка. Экзотизмы отражают традиции определенного народа, а также способны указывать на особенности менталитета, являясь своеобразными трансляторами чужой культуры» [Вотякова, Емельянова, 2017, с. 22].

Наш материал частично подтверждает намеченные исследователями тенденции адаптации экзотизмов. Обычно процесс заимствования происходит следующим образом: иноязычное слово приходит в язык-реципиент как экзотизм, какое-то время остается на периферии лексической системы, но далее может произойти как сохранение статуса, признаков экзотизма, низкого уровня адаптации, так

и активизация, расширение семантики и случаев употребления, развитие значения, что позволяет иначе взглянуть на судьбу экзотизмов в языке-реципиенте.

Рассмотрим подробнее основные тенденции семантической адаптации испанских заимствований в русском языке. Начнем с первой тенденции, когда испанское заимствование приходит в русский язык лишь в одном значении и сохраняет статус экзотизма (*сомбреро*, *кастаньеты* и др.). Группа экзотизмов, пришедших из испанского языка, в основном складывается из терминов и слов, представляющих другую культуру, обычаи, большинство из них сохраняют свой статус, оставаясь экзотизмами.

Испанский академический словарь RAЕ фиксирует восемь значений слова *sombrero*. Это «головной убор, состоящий из верхней части и полей»³. Кроме того, слово имеет значения, образованные путем метафорического переноса: крыша, которая накрывает кафедру проповедника как шляпа (в академическом словаре RAЕ это значение 3); верхний слой сула, состоящий из шкурок и стеблей (4), который прикрывает его таким же образом. Это слово может обозначать привилегию не снимать головной убор перед королем (которой пользовались великие люди Испании, 4), а также является ботаническим (шляпка гриба, 5), спортивным (поднятие мяча над головой, 6) и морским (верхняя часть лебедки, 7) термином. В русский язык оно заимствуется только в первом значении (головной убор).

В словарях русского языка мы обнаруживаем фиксацию значения «испанская шляпа» вплоть до второй половины XX в., когда в словарных статьях появляются указания на латиноамериканские страны. Например: **сомбреро** – исп. – испанская широкополая шляпа (Крысин, 1998; СИС, 1933; 1940; 1964; 1988; 1995; 2007); сомбреро – нескл., ср. Широкополая шляпа, распространенная в странах Латинской Америки [исп. sombrero] (МАС). Этот экзотизм продолжает использоваться лишь для определенного вида шляпы особой формы, зачастую данное слово выполняет функцию придания тексту или речи колорита.

В НКРЯ мы обнаруживаем 116 примеров, в которых анализируемый экзотизм используется для придания колорита и сохраняет статус чужого слова в русском языке: *Помню, как Сергей Михайлович, беседуя со мной о театральном костюме, набрасывал карандашиком, как носят мексиканцы свои сомбреро и пончо* (Б. Мессерер. Слово о родителях // «Октябрь», 2013). Русский язык заимствует это слово лишь в значении «головной убор», хотя в испанском наблюдаются различные виды развития семантической структуры слова: метонимический перенос, метафорический перенос, сужение значения (женский декоративный головной убор).

Многие экзотизмы часто так и остаются в статусе экзотизмов, но в результате нашей работы мы выделили второе направление семантической адаптации экзотизмов, которые начали изменять свой статус. Рассмотрим это направление на примере слов *сиеста* и *коррида*.

Необходимо отметить, что лексема *сиеста* пришло в русский язык как экзотизм, и мы можем наблюдать соответствующие маркеры и пометы в словарях: **СИЕСТА** -ы; ж. [исп. siesta] В Испании, Италии и странах Латинской Америки: полуденный, послеобеденный отдых; самое жаркое время дня (с 13 до 15 часов) (БТСРЯ, 2000). Испанский академический словарь RAЕ фиксирует следующие значения слова *siesta* – от латинского *sexta [hora]* '[hora] sexta', время, соответствующее полудню. 1. Сон после обеда. 2. Время, отведенное для сна или отдыха

³ Здесь и далее перевод наш. – М. Б.

после обеда. 3. Время после полудня, когда стоит самая сильная жара. 4. Музыка, которую пели или играли в церквях в послеобеденное время (RAE).

Большинство лексических значений этого слова в языке-источнике понятны и знакомы носителям русского языка, кроме последнего – «музыка, которую пели или играли в церквях в послеобеденное время», являющегося типичным для представителей католической испанской культуры и незнакомым, непривычным для носителя русского менталитета. В этом случае слово *сиеста* обозначает традиционное и характерное явление быта испанского народа, являющегося достаточно религиозным (католицизм), поэтому в русском языке оно не востребовано для описания русского быта и по большей части встречается в текстах об Испании. В остальном семантическая структура испанского слова, по данным RAE, представляет собой три связанных между собой значения: сон, время дня, которое отведено для сна, и время дня, когда стоит максимальная жара. В испанском быту эти три понятия связаны напрямую и являются яркой характеристикой стиля жизни: в наиболее жаркое время дня у испанцев принято спать в тени, дома за закрытыми ставнями, что является отражением влияния климатических условий страны на жизненный уклад. В словарях русского языка эти близкие значения (самое жаркое время и сон в это время) не дифференцируются и не фиксируются как самостоятельные. По сути, мы заимствуем оба этих значения, но в используемых в нашей работе словарях русского языка они не разделяются.

Мы наблюдаем незначительное количество вхождений в текстах НКРЯ XXI в. (72 примера) и отсутствие новых значений. Все примеры остаются в рамках первого значения (послеобеденный отдых) и второго (самое жаркое время дня). Ср.: *Хотя, скорее всего, у сотрудников афинского аэропорта просто закончилась сиеста* (Д. Викторов. Притесняют! // «Бизнес-журнал», 30.01.2004); *В такую погоду из всех испанских обычаев на ум может прийти только сиеста* (К. Гетманский. Московская коррида. «Идущие вместе» вступились за быков // «Известия», 29.07.2001).

Примеры НКРЯ демонстрируют употребление этого слова в контексте описания быта народов жарких стран, их традиций, описания их жизненного уклада. Но при этом мы наблюдаем использование этого слова и для рассказа о российской действительности, что свидетельствует о намечающейся тенденции развития семантики: – *Замечательно! Бывают же, Аркадий Михайлович, совпадения! Завтра утром я по делам мчусь в столицу, освобождаюсь к трем часам. Как раз сиеста* (А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019). В данном случае слово *сиеста*, с одной стороны, остается экзотизмом, обозначая непривычное для носителей русского языка понятие, продолжает употребляться для описания культуры и быта испаноязычных стран, а с другой – начинает двигаться в сторону хорошо семантически освоенной лексики, расширяя свое географическое применение, как в последнем контексте из корпуса.

Проиллюстрируем обозначенную тенденцию другими примерами. Рассмотрим лексему *коррида*. Испанский академический словарь RAE фиксирует полное название этого явления: **corrida de toros** (коррида быков): праздник, состоящий из боя определенного количества быков на закрытой арене. Само слово *коррида* имеет девять значений: кроме корриды быков (третье значение в словарной статье) это и просто бег, и термин из фламенко, и группа быков, и оргазм (с пометой *простонар.*). Кроме того, мы наблюдаем региональные значения: распускающиеся стежки ткани (Аргентина, Уругвай), путина – приток рыб (Куба), а также устаревшие значения: движение жидкости и набег, рейд (RAE). В текстах НКРЯ пер-

вый раз это слово встречается в «Письмах из Испании» В. П. Боткина: *Это называется полубегом (media corrida); в прежнее время полная corrida состояла из 16 быков* (В. П. Боткин. Письма об Испании, 1847). При этом мы не находим его в Словаре современного русского литературного языка, и в СИС первой половины XX в. это слово встречается не всегда, часто отсутствует или имеет указание на «доведённого до ярости быка»: **коррида** – в Испании и некоторых странах Лат. Америки – бой быков, т. е. сражение на большой арене пеших и конных бойцов с доведенными до ярости быками (СИС, 1988).

В толковых словарях *коррида* прочно фиксируется только во второй половине XX в.: **КОРРИДА**, ы, ж. Массовое зрелище в Испании и в некоторых других странах бой тореадора с быком (Ожегов, 1961). В семантической структуре испанского слова-источника *коррида* в словарной статье РАЕ мы наблюдаем и метонимический перенос (группа быков для корриды), и метафорический (простонародное – оргазм = бег, движение жидкости; распускающиеся стежки ткани = бегущие) и др. Обратимся к НКРЯ (334 контекста) в поисках примеров развития и переноса значения: *Он понимал: злые шуточки за спинами кончились – началась борьба... Не кафедра, а просто corrida какая-то!* (А. Житков. Кафедра, 2000); *Corrida в разгаре. Взывают полотница новых аргументов...* (В. Смехов. Театр моей памяти, 2001); *Это была corrida, как он орал на адвоката. Как он гнал из кабинета и родильного дома* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010). В данных примерах мы обнаруживаем появление метафорического значения у слова *коррида* в русском языке: это и соперничество сотрудников кафедры, и жаркая дискуссия, и громкие агрессивные крики, что говорит о расширении сферы употребления этого экзотизма и тенденции к появлению новых значений.

В общем, слова, относящиеся к тематической группе **тавромахия** (*матадор, пикадор, тореадор, бандерилья, corrida, тореро, мулета* и др.), остаются экзотизмами, хотя некоторые из них употребляются значительно чаще других: наиболее частотны в современных (XX–XXI вв.) текстах НКРЯ: *corrida* – 329 примеров, *тореадор* – 263, *тореро* – 86, реже встречаются *мулета* – 31, *бандерилья* – 18 и *бандерильеро* – 4. Являясь важной частью испанской культуры, состязание человека с быком остается для носителя русского языка экзотическим обычаем далекой страны, хотя и имеет потенциал для развития ярких образных сравнений: *Для многих этот автомобиль – как красная мулета для быка* (С. Клочков. Пятый, пошел! // «За рулем», 15.04.2004); *Кинулся снова – тот, как тореадор, увернулся, я в бак вмазался* (В. Попов. Ужас победы, 2000). Некоторые предметы, явления приобрели «мировую известность», и слова, обозначающие их, перестали быть экзотизмами, но *коррида* (и все, что с ней связано) в большинстве случаев так и остается экзотикой, и все соответствующие лексемы также сохраняют статус экзотизмов.

Рассмотрим лексему *ураган*, которая иллюстрирует еще одну тенденцию семантической адаптации: экзотизм развивает семантику посредством метафорического переноса в языке-реципиенте. Лексема *ураган* первоначально фиксировалась как экзотизм, что мы можем обнаружить в словарных статьях, например, в толковом словаре Д. Н. Ушакова: **УРАГАН**, урагана, м. (исп. huracan от имени божества бури Huragan (у американских индейцев)). 1. Ветер необычайно разрушительной силы (**особенно частый в тропических странах**) (ТСРЯ, 1935). В дальнейшем мы уже не встречаем географического комментария, например: **ураган** – 1) ветер большой разрушительной силы, сильная буря; снежный, песча-

ный ураган и т. д. (БАС). Отсутствие указания на тропические страны в толковании слова говорит о том, что экзотизм перестал быть экзотизмом и стал обозначать очень сильный ветер в любом месте, не только в тропиках.

В данном случае изначально происходит заимствование слова для обозначения нового явления, которое не являлось типичным и характерным для географического положения, места проживания большинства носителей русского языка. В БАС имеются данные о первых фиксациях этого слова в словаре Н. М. Яновского 1806 г. (Новый словотолкователь) и Словаре Академии Российской 1822 г. (БАС). Это слово появилось в русском языке благодаря языковым и культурным контактам вместе с информацией о климатических особенностях испаноязычных стран. До начала XX в. еще сохраняются указания на «тропическую» природу этого явления – ветер, который не типичен для нас, затем эта характеристика в словарных статьях утрачивается. Сегодня это слово употребляется и по отношению к явлениям российской природы: *Несколько лет назад в Подмоскovie случился сильный ураган* (М. Дмитриевский. Ковчег размером в шесть соток // «Наука и жизнь», 2008).

Наблюдается сходство в развитии семантических структур лексем в двух языках в том, как появляются метафоры. В русском языке формируется несколько переносных значений, которые связаны с человеком, его эмоциями, эмоциональными переживаниями (*ураган страстей*), а также семантика интенсивности (*ураган звонков*). Переносные значения фиксируются в академических и толковых словарях довольно рано, в СИС только в последние годы. Мы обнаруживаем метафорический перенос: «стремительно несущееся множество чего-либо», «стремительность движения», «об огромной силе, стремительности движения, осуществления чего-либо». Уже в БАС встречаются употребления этого слова в следующих сочетаниях: *ураган бомб, ураган снарядов, ураган огня, ураган взрывов, ураган свинца, ураган стали, ураган звуков, ураган криков* и др. (БАС). Ср.: *Ураган эмоций. Обратная связь даёт возможность почувствовать автомобиль* (А. Сасиновский. Игровые инструменты // «Stuff», 2003.03.06); *«Распределяли» премию Есенина, вокруг которой всегда целый ураган страстей* (С. Н. Есин. Дневник, 2006); *Сказать, что публикация вызвала шквал писем – значит не сказать ничего: бурю писем, ураган писем, смерч!* (40 лет демографической секции Центрального Дома ученых РАН // «Вопросы статистики», 2004); *Вчера ураган телефонных звонков, один другого хлеще* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002).

Следует отметить тенденцию метафорического переноса наименования природного явления на человека. Уподобление человека природному явлению основывается на аналогии образа действия: человек представляется в качестве сильной, стремительной, разрушительной силы. Значение «очень импульсивный человек» есть в испанских толковых словарях, и в русском языке это значение появляется по той же модели (человек сравнивается с природным явлением).

При обращении к НКРЯ мы встречаем довольно большое количество примеров (960) в текстах XXI в. и легко находим случаи использования слова *ураган* для описания человека: – *Баба-ураган!.. Мастер показухи, на самом деле!..* (Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие, 2016); *Калабаров хотел слово вставить, да куда там: Махрушкина – ураган.* (А. Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013); *Да он же ненормальный. Ураган. Кручение-верчение* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть

о зарытом», 2009). Несмотря на большое количество таких примеров, словари это значение пока не фиксируют.

Кроме значения «очень импульсивный человек», в современных (XXI в.) текстах НКРЯ есть тенденция к использованию слова *ураган* для характеристики сексуальной активности человека, что является примером расширения объема обозначаемого понятия, метафорическим переносом по сходству: *Ты – классная, и в постели – ураган вообще!* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000); *Тем лучше. Говорят, рыжие в постели ураган. Вот сегодня и проверим...* (А. В. Кудрявцев. Час ведьм. Музей Достоевского, 2012).

В итоге в современном русском языке имеется полная семантическая структура испанского слова, что говорит о похожем процессе метафорического переноса в русском языке, семантическая структура достраивается по той же модели. Также необходимо отметить, что в русском языке у слова *ураган* развивается переносное значение (в отличие от испанизма *сиеста*), которое фиксируется в словарях.

Третья тенденция развития семантики испанизмов в современном русском языке – расширение значения.

Рассмотрим эту тенденцию подробнее на примере лексемы *армада*. В академическом испанском словаре RAE *armada* имеет 12 значений, в первых 4-х значениях слово относится к прилагательным: оснащенный оружием, вооруженный инструментом или утварью, то, что развивается с помощью оружия (вооруженное восстание), и сделанный из цемента или бетона: армированный металлическими прутьями. К военной сфере относятся следующие значения: 7. Военно-морские силы государства. 8. Эскадра (|| набор боевых кораблей). Также необходимо отметить термины из сферы охоты: шеренга охотников, преследующих на охоте загнанных или перегоняемых животных; толпа людей с собаками, которых пускают в ход для отпугивания животных, заставляя их выходить перед разъездами охотников; способ расположения лассо для его метания. Кроме этого, мы встречаем карточный термин – цветок, помета, которую шулер делает на картах; обозначение определенного человека в религиозном обряде (человек, одетый как древнеримские солдаты, который обычно сопровождает ход процессий и охраняет памятники во время Страстной недели); название животного (в этом значении слово употребляется в Аргентине, Боливии, Парагвае и Уругвае) – пресноводная рыба длиной до 70 см с очень крепкими спинным и грудным плавниками, темным телом, лишенным чешуи, и съедобным мясом) (RAE).

Из испанского языка в русский это слово приходит лишь в специальном терминологическом значении, связанном с морским флотом: военно-морские силы государства, эскадра (|| набор боевых кораблей). В испанском языке лексема используется и в других сферах, таких как охота, карточные игры, религия, зоология и т. д., но в русский язык эти значения, отражающие испанский быт и культуру, не переходят: **армада** – большое соединение кораблей, самолетов или танков, действующих согласованно [от исп. *armada* – флот] (МАС).

В границах современных текстов XXI в. в НКРЯ есть 134 примера, и при этом мы можем наблюдать расширение значения слова, оно обозначает не только собрание кораблей, но и самолетов, и танков. Ср.: об автомобилях: *Армада (ну, по молдавским меркам вполне) из двадцати машин останавливается резко* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011); о животных: *За год армада рачков (эпишура) способна трижды очистить верхний пятидесятиметровый слой воды* (Д. Шарко. Чья реальность более реальна? // «Пятое измерение»,

2003); о людях: *Потрясающая палками, авоськами и пенсионными удостоверениями на нас выходила целая армада старушек* (Б. Минаев. Детство Левы, 2001) и др. Такие примеры позволяют нам сделать вывод о том, что в русском языке эта лексема расширила свое значение: изначально она служила для описания военного флота, собрания самолетов и танков, в современных текстах (XXI в.) НКРЯ фиксируется ее употребление по отношению к другим классам объектов: автомобили, животные, люди, что говорит о расширении семантики в языке-реципиенте.

В данной работе мы отмечаем, что при семантической адаптации заимствованных слов происходят различные процессы: приспосабливается семантическая структура слова к системе языка-реципиента, изменяется объем понятия, обозначаемого словом в языке-источнике – этот объем сужается или расширяется, но семантическая ассимиляция иногда отсутствует, как в случаях с экзотизмами. Таким образом, это позволяет сделать вывод о том, что судьба испанизмов в русском языке очень различна, и в процессе функционирования иноязычного слова его семантика может изменяться.

Подводя итоги нашего исследования, мы выделяем три основные тенденции семантических изменений в процессе заимствования.

Первая тенденция демонстрирует, что некоторые экзотизмы так и остаются типичными экзотизмами, не проявляют активности, мало адаптируются лексически и не развивают семантику. Но стоит отметить, что даже у этого пласта лексики есть ядро и периферия. Со временем слово может начать употребляться в более разнообразных контекстах, например, *сиеста*, обозначающее явление, характерное для жарких стран, в контекстах корпуса используется для описания российской действительности, что говорит о постепенном перемещении слова от периферии к ядру лексического уровня языка-реципиента и о развитии значения.

Вторая тенденция показывает развитие значения через метафорический перенос. В случае со словом *ураган* происходит трансформация семантики в русском языке по той же метафорической модели, что и в испанском: перенос характеристики с явления природы на человека. Русский язык напрямую это значение не заимствовал, и до сих пор оно в словарях не фиксируется, но мы легко находим множество примеров в современных текстах НКРЯ (XXI в.), подтверждающих развитие семантики по той же модели, что и в языке-источнике. Метафорический перенос мы отмечаем и у лексемы *коррида*, которая встречается в НКРЯ, когда говорят о споре, соперничестве коллег и громких криках.

Третья тенденция показывает расширение значения слова: испанизм *армада* ранее в языке-источнике использовался в первую очередь для флота (кораблей), затем также и для самолетов. В русский язык это слово изначально приходит как экзотизм (только о флоте), но уже с середины XX в. мы наблюдаем фиксацию расширения значения на самолеты и танки, а в современных текстах НКРЯ (XXI в.) мы встречаем его использование и для обозначения большого количества автомобилей, животных и людей.

Исследуемый материал показал, что слова-экзотизмы не всегда остаются на периферии лексической системы языка и используются редко, лишь для придания яркости и колорита, но могут демонстрировать тенденцию к развитию и расширению значения. В результате данной работы на материале испанизмов мы встречаем и случаи семантического развития значения лексем в языке-реципиенте путем метафорического переноса или расширения значения, что говорит об их активности в современном русском языке.

Список литературы

- Аристова В. М.* Англо-русские языковые контакты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Вотякова И. А., Емельянова С. О.* Испанские заимствования в русском языке // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика / Под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной, Л. А. Усмановой. Казань: Школа, 2017. С. 21–26.
- Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
- Крысин Л. П.* Современный русский язык. М.: Академия, 2007. 240 с.
- Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.
- Маринова Е. В.* Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2003. С. 138–142.
- Маринова Е. В.* Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 296 с.
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 260 с.
- Супрун А. Е.* «Экзотическая» лексика // Филологические науки. 1958. № 2. С. 50–54.
- Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 344–382.

Список источников и словарей

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л.: АН СССР, 1950–1965.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2001.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 847 с.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., Л.: Русский язык, 1981–1988.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.12.2024).
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 900 с.
- СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Сост. К. С. Кузьминский; под ред. Т. М. Капельзона. М.: Сов. энциклопедия, 1933. 1502 с.
- СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. 864 с.
- СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 784 с.
- СИС – Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
- СИС – Словарь иностранных слов в русском языке / Под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М.: ЮНВЕС, 1995. 830 с.

СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. В. В. Бурцевой, Н. М. Семеновой. М.: Русский язык – Медиа, 2007. 832 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Яновский Н. М. Новый слово толкователь, расположенный по алфавиту. СПб.: Тип. Акад. наук, 1803. Ч. 1. 868 с.

RAE – Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения 20.12.2024).

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p.

Aristova V. M. *Anglo-russkie yazykovye kontakty* [English-Russian language contacts]. Leningrad, Izd. LGU, 1978, 150 p.

Haugen E. *Protsess zaimstvovaniya* [The process of borrowing]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics.]. Moscow, Progress, 1972, iss. 6, pp. 344–382.

Krysin L. P. *Etapy osvoeniya inoyazychnogo slova* [Stages of foreign language word acquisition]. *Russian Language at School*. 1991, no. 2, pp. 74–78.

Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian lexicon and lexicography]. Moscow, Znack, 2008, 320 p.

Krysin L. P. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Akademiya, 2007, 240 p.

Marinova E. V. *Ekzoticheskaya leksika kak lingvisticheskiy fenomen* [Exotic lexicon as a linguistic phenomenon]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2003, pp. 138–142.

Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign-language lexicon of the modern Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, 296 p.

Smirnitkii A. I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow, MSU, 1998, 260 p.

Suprun A. E. “Ekzoticheskaya” leksika [“Exotic” lexicon]. *Philological Sciences*. 1958, no. 2, pp. 50–54.

Votyakova I. A., Emel'yanova S. O. *Ispanskie zaimstvovaniya v russkom yazyke* [Spanish borrowings in Russian]. In: *Izucheniye regional'noy kartiny mira v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: teoriya i praktika* [Study of the regional picture of the world in multicultural educational space: theory and practice]. L. A. Mardieva, T. Yu. Shchuklina, L. A. Usmanova (Eds.). Kazan, Shkola, 2017, pp. 21–26.

List of sources

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Comp., ed.). St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p.

Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es/> (accessed 20.12.2024)

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka: V 2 t.* [New dictionary of the Russian language: In 2 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 2001.

Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign-language words]. Moscow, Rus. yaz., 1998, 847 p.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 20.12.2024).

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovary, 1961, 900 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. F. N. Petrov (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1940, 864 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. F. N. Petrov (Ed.). Moscow, Sov. Entsikl., 1964, 784 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow, Rus. yaz., 1988, 608 p.

Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. V. V. Burtseva, N. M. Semenova (Eds.). Moscow, Russ. Yaz. – Media, 2007, 832 p.

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk [Dictionary of foreign words that have entered the Russian language]. K. S. Kuz'minskiy (Comp); T. M. Kapel'zon (Ed). Moscow, Sov. entsikl., 1933, 1502 p.

Slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke [Dictionary of foreign words in the Russian language]. I. V. Lekhin, F. N. Petrov (Eds.). Moscow, YuNVES, 1995, 830 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. A. P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Leningrad, Russ. yaz., 1981–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSP, 1950–1965.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, OGIZ, 1935–1940.

Yanovskiy N. M. *Novyy slovotolkovatel', raspolozhenny po alfavitu* [New word-talker, arranged alphabetically]. St. Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1803, pt. 1, 868 p.

Информация об авторе

Мария Владимировна Бакурова, ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Института филологии и медиакоммуникаций Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Maria V. Bakurova, Assistant of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Institute of Philology and Media Communications, Federal State Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 23.04.2025
The article was submitted on 10.02.2025;
approved after reviewing on 23.04.2025; accepted for publication on 23.04.2025*